

С. В. Джунджузов**Семейный быт и хозяйственная деятельность крещеных калмыков Ставропольского калмыцкого войска в первой половине XIX века: влияние аккультурации и приверженность традициям**

В статье рассматривается семейный быт и хозяйственная деятельность ставропольских крещеных калмыков в контексте влияния на них санкционированных государством преобразований (политика аккультурации) и сохранения элементов традиционного для кочевого народа образа жизни. Основываясь на значимых для изучения данной проблемы экономических и социальных маркерах, автор приходит к выводу об их взаимном влиянии на мировоззрение и повседневную хозяйственную практику калмыцкого населения. Атрибутами первого из них являлись летние кочевья, скотоводческая специализация калмыцких хозяйств и скрываемое от посторонних исповедание буддизма. Второе проявилось в свойственном казачьему социуму социальном равенстве, получении начального школьного образования, навыках оседлой жизни в крестьянских избах, заготовке сена и в осознании необходимости приобщения к земледельческому труду.

Ключевые слова: аккультурация, идентичность, семейный быт, ставропольские крещеные калмыки, традиции, хозяйственная деятельность.

На жизнь человека в условиях традиционного доиндустриального общества доминирующее влияние оказывали факторы, неразрывно связанные со средой его обитания. Природно-климатические условия определяли способы организации удовлетворения потребностей: труд, быт, досуг. Также велика была роль социума в формировании мировоззренческих установок, в восприятии опыта предков и соседей, в формировании этнической, религиозной, сословной и культурной идентичностей. Большое аккультурационное влияние на этносословное сообщество ставропольских крещеных калмыков и образ жизни его членов оказывало государство посредством правовой регламентации административного устройства и организации управления калмыцким поселением, исполнения калмыками воинской повинности, насаждения правил землеустройства и других мероприятий, включающих систему школьного образования и здравоохранения. Уже самим своим переселением в 1737 г. в Среднее Поволжье и созданием поселения в междуречье Волги, Сока и Кондурчи крещеные калмыки обязаны были волевому решению императрицы Анны Иоанновны. Предполагалось, что обособленное проживание крещеных калмыков в отдалении от Калмыцкого ханства защитит их от влияния буддийского духовенства и насильственных действий со стороны некрещеных представителей калмыцкой знати. Кроме того, калмыцкие поселенцы должны были способствовать хозяйственному освоению малолюдного Заволжского края и привлекаться к несению военной службы. В результате последующих преобразований поселение приобрело военно-административное устройство, на что указывало и его название — Ставропольское калмыцкое войско. Войсковой столицей стал город Ставрополь-на-Волге (современный Тольятти). В нем располагались все войсковые учреждения: канцелярия, школа, госпиталь и постоянно проживали войсковые чиновники. После утверждения Александром I положения «Об устройстве Ставропольского калмыцкого войска» [22] служилых ставропольских калмыков в делопроизводственной переписке часто стали называть казаками.

Изучение Ставропольского калмыцкого войска продолжается уже более двух с половиной столетий. У его истоков стоял «Колумб оренбургской истории» Петр Иванович Рычков [24]. Основное внимание дореволюционные авторы уделяли крещению калмыков, административному устройству и управлению их войском, исполнению калмыками

© Джунджузов С. В., 2019

воинской казачьей повинности [5; 23; 25]. Советские историки в силу классовой природы марксистской идеологии акцентировали внимание на участии калмыков в крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева, а также в войнах России против внешних врагов в XVIII—XIX вв. [3; 4].

Существенным расширением исследовательской тематики истории ставропольских крещеных калмыков отличается современная российская историография. В последние десятилетия появились работы, посвященные деятельности православной миссии в Ставропольском войске, землевладению и использованию войсковых земельных угодий, развитию школьного образования и организации медицинской службы [1; 15; 16; 20]. В 2017—2018 гг. в процессе реализации поддержанного Российским научным фондом проекта «Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на материалах урало-поволжских и центральноазиатских территорий Российской империи)» были опубликованы статьи, характеризующие влияние имперской политики аккультурации на образ жизни и мировоззрение крещеных калмыков [26; 27]. История малочисленных народов и этнических групп Южного Урала и Среднего Поволжья в контексте их идентичности целенаправленно исследуется в трудах ведущих историков Поволжья и Урала [2; 18].

Цель данной статьи — рассмотреть семейный быт крещеных калмыков и их хозяйственную деятельность в контексте влияния на них санкционированных государством преобразований (политика аккультурации) и сохранения элементов традиционного для кочевого народа образа жизни. Источниками для ее написания послужили материалы 6-го фонда Государственного архива Оренбургской области «Канцелярия оренбургского генерал-губернатора», а также документы Отдела письменных источников Государственного исторического музея (Ф. 445 «Чертковы»). В них представлены отчеты атаманов Ставропольского калмыцкого войска, датированные второй половиной 1830-х — началом 1840-х гг. Особого внимания заслуживает «Обзор Ставропольского калмыцкого войска», составленный полковником Н. А. Мансуровым в 1835 г. по поручению оренбургского военного губернатора В. А. Перовского [10; 21]. Наряду с разнообразными сведениями о состоянии Войска «по части военной и гражданской» и предложений по их преобразованию Мансуров подробно описывает нравы и обычаи ставропольских калмыков. Обращение к документам, датированным главным образом 1830-ми гг., объясняется тем обстоятельством, что они охватывают период, предшествовавший Указу Николая I от 24 мая 1842 г. о расформировании Ставропольского войска и присоединении калмыков к Оренбургскому казачьему войску с одновременным их переселением в Оренбургскую губернию. Данное обстоятельство позволяет выявить качественные изменения, произошедшие в семейно-бытовой и хозяйственной жизни крещеных калмыков за более чем вековой период их проживания на Средней Волге, в отдалении от основной массы калмыцкого народа.

Одним из определяющих факторов идентичности крещеных калмыков являлась их тщательно скрываемая от церковных и светских властей приверженность к тибетскому буддизму (ламаизму). Причиной этого явления стало отсутствие должного внимания к христианскому просвещению новокрещеных со стороны православного духовенства и удовлетворению их духовных потребностей. Как результат, калмыки замыкались в своей узкой среде. Их неформальными лидерами становились буддистские священнослужители — гецули и гелюнги, которые через учеников передавали свои знания новым поколениям. В итоге сложился феномен двоеверия ставропольских калмыков, в котором христианству отводилась формальная роль официальной религии.

Двоеверие ставропольских крещеных калмыков не являлось секретом для оренбургских военных губернаторов, но степень их осведомленности была невелика. Убежденность Н. А. Мансурова «в глубоких корнях, которые язычество еще имеет во всем войске», проистекала в основном из внешних, поверхностных наблюдений. «Дознание всего их отступничества необыкновенно трудно. Оно скрывается для самых близких соседей, а знающие хранят молчание или неохотно объясняются, как кажется, во избежание тайной мести. Молва приписывает ламаистскому духовенству познания в ядах». Полковник Мансуров отмечал несоблюдение калмыками постов, использование в пищу лошадиного мяса, отсутствие крестов на могилах их предков. Ему даже удалось выяснить, что каждый ставропольский калмык имеет два имени — русское, полученное при крещении, и калмыцкое, которое при рождении по совету гелюнга ему дали родители [21, л. 13].

О реальном влиянии буддизма на семейный быт крещеных калмыков станет известно после издания в 1905 г. указа «О веротерпимости», когда их потомкам, ставшим оренбургскими казаками, дадут разрешение на смену исповедания. Известный российский монголовед А. М. Позднеев, будучи в командировке в Оренбургской губернии, со слов самих же калмыков выяснил, что ни одно значимое событие в их жизни: свадьба, рождение детей, погребение усопших — не обходилось без участия буддистского священнослужителя. Без сомнения, религиозные ритуалы калмыки-казаки исполняли на протяжении всего двухвекового пребывания вдали от Калмыцкой степи.

Первым шагом к созданию семьи у ставропольских калмыков служила помолвка. Согласия невесты на вступление в брак никогда не требовалось. Решение принимали родители девушки. Для них определяющее значение имел размер калыма, который семья жениха готова была им заплатить за замужество дочери. Ученый путешественник И. И. Лепехин, бывший в 1768 г. проездом в Ставрополе, в «Дневниковых записках» о свадебном обряде у ставропольских калмыков дал следующее пояснение: «С принятием христианства калмыки стали одноженцами и венчаются по христианскому обычаю. Однако платят за невесту выкуп, который у них почитается за приданое. Напротив того, невеста должна принести с собой юрту или постель. Отцы уделяют равным образом часть своего скота как жениху, так и невесте. Сговорившись, без дальних околичностей, оседлав лошадей, в сопровождении двух или трех родственников ездят в ближайшее село и, обвенчавшись, устраивают в своей юрте пиршество» [19, с. 241—242]. Очевидно, церемония сватовства и бракосочетания, сложившаяся еще со времени переселения крещеных калмыков в Среднее Поволжье, приобрела традиционный характер.

Свадебные торжества обязательно проводились в присутствии одного или нескольких буддистских священников. Они определяли, в каком порядке должен проходить обряд бракосочетания. Кроме обильного угощения священникам полагалось щедрое вознаграждение за чтение богослужебных книг и «благопожеланий» [6, л. 5—7].

Серьезное беспокойство командования Оренбургского иррегулярного корпуса, в состав которого входило Ставропольское калмыцкое войско, вызывала убыль калмыцкого населения. В первой половине XIX в. она приобрела необратимый характер. С 1803 по 1841 г. численность мужского населения в Войске сократилась на 36% — с 2648 до 1684 человек [8, л. 150—151; 10, л. 98—98 об.; 12, л. 6—7]. Столь значительный демографический спад негативно сказывался на формировании Ставропольского тысячного полка. Согласно ведомости от 26 мая 1835 г., вместо положенных по штатному расписанию 1047 человек в полку числилось 787 служилых калмыков, из них на сбор явилось 575 человек [9, л. 87].

В процессе анализа причин убыли калмыцкого населения Н. А. Мансуров не нашел факторов высокой смертности от инфекционных заболеваний. Даже во время эпидемии

холеры, свирепствовавшей в Поволжье и на Южном Урале в первой половине 30-х гг. XIX в., умерло всего 28 человек обоего пола. В пределах нормы оставалась и смертность среди служилых калмыков. Согласно представленной Мансуровым раскладке, за десятилетие в среднем из 800 человек умирало не более 30. Единственной причиной убыли войскового населения, по его мнению, могла служить низкая рождаемость. К такому выводу полковника подвело изучение войсковой посемейной переписи. Произведенные расчеты показали, что с учетом вдов и вдовцов в разное время в браке состояли 1812 калмыков. Ими было заключено 969 брачных союзов, в которых родилось 3689 детей. В среднем выходило 3,8 рождения на супружество. Из них не умерли в младенчестве или в раннем возрасте 1765 человек. Следовательно, в среднестатистической калмыцкой семье вырастало менее двух детей. А поскольку других внешних источников для пополнения населения Калмыцкого войска в первой половине XIX в. не имелось и не предвиделось, то и убыль его приобретала необратимый характер [10, л. 45—46].

Единственное объяснение низкой рождаемости и детской смертности Н. А. Мансуров усмотрел в плохо устроенных жилищах и несоблюдении калмыками правил гигиены. «Женщине при очищениях и после родов нет места согреться, кроме огня, всегда разведенного на полу или в сенях, или в особенной лачуге, и от того происходит простуда и много брюшных болезней и завалов в животе, препятствующих дальнейшему плодородию» [21, л. 13 об.].

Период вскармливания младенца мог продолжаться до пяти лет или до времени, когда он сам не отрывался от материнской груди или мать не рожала следующего ребенка. Подросших детей с раннего возраста начинали готовить к взрослой, самостоятельной жизни. Мальчики, как будущие воины и скотоводы, учились ездить верхом, стрелять из лука, пасти скот. Девочки, как будущие хозяйки, осваивали навыки домашнего обихода и рукоделия [19, с. 245—246].

Восприятию калмыками русской, имперской по своей сути, культуры должно было способствовать школьное образование. Войсковая школа, открытая в 1741 г. по инициативе первого коменданта Ставропольской крепости А. И. Змеева, изначально предназначалась для обучения сыновей владельцев и зайсангов. Освоение русской грамоты, основ арифметики и символов православного исповедания становилось обязательным условием для поступления на канцелярские и командные должности. И, надо отдать должное, со своей утилитарной функцией калмыцкая школа успешно справлялась. Уже в 1800 г. послужные списки 6 войсковых старшин и 14 из 15 ротных командиров начинались с записи «школьник» и содержали указание об умении читать и писать по-русски [7, л. 1—12]. Однако надежды правительства, что со временем она приобретет авторитет и будет содействовать восприятию калмыцкой молодежью русской, православной духовности и культуры, не оправдались. Максимальных показателей — от 50 до 54 человек — число калмыцких школьников достигло в 1780-е гг. Затем началось сокращение, особенно усилившееся после присоединения в 1826 г. Калмыцкого войскового училища к Ставропольскому уездному училищу. В 1841 г. курс обучения в Училище проходили всего 24 калмыка, из которых детей войсковых чиновников — 6, детей рядовых калмыков — 18 [12, л. 13].

Калмыки с большой неохотой отпускали своих детей на учебу. Бесплатным в Уездном училище был только сам курс обучения. За все остальное — наем жилья, питание, одежду — платили родители. Из-за конфликта войскового атамана Барышевского с училищным начальством среди калмыков распространялись слухи, что их детей плохо обучают и несправедливо наказывают. Но даже те немногие молодые калмыки, которые выходили из стен Училища с документом о его окончании, как и их «необразованные» сверстники,

продолжали ориентироваться на привитые с детства ценности народной культуры и буддистское вероучение.

Вопреки холодному климату и стремлению российских властей «к приохочиванию» ставропольских калмыков к оседлости и земледелию, последние упорно придерживались кочевого образа жизни. С ранней весны до поздней осени они жили в кибитках, ставившихся на берегах рек и озер. Лишь зимняя стужа и глубокий снег заставляли их возвращаться в слободы, где русскими плотниками со времени поселения калмыков были построены деревянные избы. Из содержания указа о наделении ставропольских калмыков земельными угодьями, датированного 26 февраля 1739 г., можно заключить, что государство к ним относилось как к военным поселенцам. Потому и землю им нарезали под пашню, сенные покосы, гумна и огороды. Причем только пахотной земли на каждую семью незнатного калмыка приходилось по 30 десятин, а семьям зайсангов надел полагался в двойном размере. Тогда же для неимущих калмыков был закуплен земельный инвентарь, семенной хлеб, для их обучения заведена общественная запашка, а в качестве учителей привлекались солдаты ставропольского гарнизона. Расчет строился на том, что, став земледельцами, калмыки смогут сами себя обеспечивать и исполнять воинскую повинность без поддержки казны.

Практика общественной запашки и принуждения калмыков к занятию земледелием продолжалась до отставки первого оренбургского губернатора И. И. Неплюева. Но и в эти годы калмыки для выполнения всех страдных работ предпочитали нанимать соседних поселян. А так как наемщиков все время не хватало, хозяева соглашались в качестве платы отдавать работникам весь собранный ими урожай, за исключением семенного хлеба [19, с. 235].

В последней четверти XVIII в., особенно после пугачевского восстания 1773—1775 гг., во время которого большая часть крещеных калмыков выступила на стороне повстанцев, едва ли не половина войскового населения вынуждена была искать заработка на стороне. В 1777 г. из 5155 ставропольских калмыков в отпусках по билетам находилось 2306 человек [17, с. 34].

В соответствии с административно-территориальным делением Ставропольского калмыцкого войска к началу XIX в. ставропольские калмыки были распределены по десяти ротам, каждая из которых включала по несколько улусов. В 1798 г. на основании дополнительных статей межевой инструкции по генеральному размежеванию земель Симбирской губернии, к правлению которой по части гражданской относилось Калмыцкое войско, войсковые угодья были разделены поротно. Площадь войсковых земель, согласно статистическому отчету 1836 г., составляла 245 758 десятин. Через пять лет, вероятно, после дополнительных межеваний спорных земельных участков и возвращения их калмыкам, войсковые земельные владения увеличились еще почти на 10 тыс. десятин и в 1841 г. составили площадь 255 117 десятин и 813 сажен [11, л. 70; 12, л. 7—8]. В результате отмеченного выше сокращения мужского населения в Ставропольском войске образовался избыточный земельный фонд. В среднем ко времени расформирования Войска на ревизскую душу приходилось по 137 десятин земли, что в 4,5 раза превышало 30-десятинную казачью норму.

Значительные денежные расходы, связанные с несением военной службы, спровоцировали в первые десятилетия XIX в. бесконтрольное растаскивание калмыцких войсковых земель. К производству денежных сборов Войсковая канцелярия прибегала дважды: при формировании тысячного полка в 1804 г. и в 1830 г. при введении новой формы по присланным образцам. Основанием для налогообложения войскового населения послужил п. 5 Штата Ставропольского калмыцкого войска, предписывавший Канцелярии

«участвовать в постройке мундиров, сбруи и прочего <...> и определить нужную для сего складку на заимообразную сумму». В первом случае на обмундирование и вооружение 1042 человек собрано было 22 123 рубля. Во втором налогообложение производилось поротно, сообразно с количеством десятин, закрепленных за каждой ротой. В итоге на обмундирование 774 человек Войсковой канцелярией было собрано 60 246 рублей. В среднем на обмундирование строевого калмыка потратили 80 рублей [21, л. 8—8 об.].

Неподъемные для большинства калмыцких семей денежные сборы вынуждали ротных командиров заключать контракты с соседними обывателями на кортомное (арендное. — С. Д.) содержание войсковых земель. Как правило, земельные угодья сдавались за бесценок на длительные сроки — до 40 лет. Так, в реестре земель, состоявших в оброчном содержании в 1844 г., в числе действующих указаны два контракта, заключенные в 1811 и в 1817 гг. в Предтеченской и Раковской ротах сроком на 35 лет [13, л. 82—84]. Вырученные от аренды деньги делились между состоявшими в роте калмыками. Участие Войсковой канцелярии ограничивалось регистрацией уже заключенных контрактов. Лишь после неоднократных вмешательств оренбургских военных губернаторов в порядок аренды калмыцких земель были внесены исправления. В 1820 г. срок аренды был сокращен до 12 лет, а с 1836 г., в соответствии с «Правилами», утвержденными В. А. Перовским, и вовсе не должен был превышать 3—4 лет на распаханые земли. Устанавливались минимальные расценки арендных платежей. Контракты заключались Войсковой канцелярией и утверждались оренбургским военным губернатором. Из вырученных денег формировался войсковой капитал, за счет которого покрывались все общевойсковые расходы. К 1842 г. третья часть принадлежавших Ставропольскому войску земельных угодий находилась в аренде [17, с. 33].

Вырученные от аренды деньги не обеспечивали достатка в семьях калмыков. Современники единодушно отмечали безалаберное отношение крещеных калмыков к расходованию денег: «Он [калмык] в несколько дней пропивает и проматывает полученные деньги на наряды и нижнетагильские сундуки. <...> Зашибая копейку, он тут же созывает родных, и вырученный капиталец уничтожается иногда даже в один день. Такое обыкновение каждый из них по долгу взаимности ставит себе обязанностью» [17, с. 36].

Главным богатством калмыцкой семьи был скот. Животноводство и промыслы, с ним связанные, являлись и основным занятием ставропольских крещеных калмыков. Но в отличие от своих однородцев, проживавших в степях Астраханской губернии, где 20 овец в хозяйстве почиталось за бедность, возможности для увеличения поголовья скота у ставропольских калмыков были крайне ограничены. Причинами тому были холод и глубокий снег, не позволявшие зимой держать домашних животных под открытым небом, а также недостаток пастбищ и сенокосных угодий, часть которых была отсужена у Войска соседними обывателями или сдана им же в аренду. В начале 1840-х гг. в среднем на одного калмыка (без учета женщин) приходилось по три лошади, более трех голов крупного рогатого скота, по столько же овец, по одной свинье на пять человек, более одной головы домашней птицы [14, с. 222].

От соседних крестьян еще со времени своего поселения ставропольские калмыки переняли опыт заготовки сена и строительства загонов для скота. Но, по свидетельству И. И. Лепехина, сено они начинали заготавливать поздней осенью, а если его не хватало до первой весенней травы, скот выгоняли в лес, где он мог питаться корой и порослью деревьев [19, с. 238].

Молочные продукты, реже мясо, составляли основной рацион ставропольских калмыков. Их ежедневное меню включало квашеное молоко, творог, сушеный сыр курт и пресные лепешки. Из-за недостатка лошадей редким лакомством становился кумыс.

Молоко также служило сырьем для производства вина. После его перегонки получалась спиртосодержащая жидкость, по цвету напоминавшая мутную воду. По схожей причине — сокращения поголовья овец — большинство семей ставропольских калмыков были вынуждены отказаться от использования войлока для строительства кибиток. В качестве альтернативы для их построения стали использовать плетень [21, л. 17—18].

Сторонние наблюдатели, контактировавшие со ставропольскими калмыками по долгу службы или бывавшие в Ставрополе проездом, единодушно отмечали свойственное их образу жизни праздное безделье. Такое, на наш взгляд, несколько предвзятое мнение могло сложиться вследствие сравнения хозяйственной деятельности калмыков и соседствовавших с ними крестьян. Ведением хозяйства в калмыцкой семье по большей части занимались женщины. Как пишет И. И. Лепехин, в их обязанности входило выполнение всех рукодельных работ: выделывание овчины, шитье тулупов, шапок, сапог и платья, стрижка овец, битье шерсти, валяние войлока, витье веревок из верблюжьей шерсти. Мужчины в свободное от казачьей службы время занимались заготовкой сена, рубкой дров, охотой. Кроме того, они гоняли на продажу скот, в ближайших селениях продавали тулупы, шапки, ремни. На вырученные деньги покупали необходимые товары домашнего обихода [19, с. 247—248].

В 1830-е гг. ставропольские калмыки вновь начали приобщаться к земледелию, но в отличие от практики середины XVIII века к возделыванию нивы они приступали добровольно, а не по воле стоящего над ними начальства. К новой хозяйственной специализации калмыков могли подталкивать сокращение пастбищ, недостаточные доходы от земель, сданных в аренду, и в целом экономическая конъюнктура, диктовавшая спрос на производство хлебов. Не случайно основная доля посевов, до 50 и более десятин, приходилась на хозяйства войсковых чиновников и зажиточных калмыков. О высоком приросте посевных площадей свидетельствует сохранившаяся статистика. За пять лет — с 1737 по 1742 г. — они увеличились почти в два с половиной раза — с 1200 до 3 тыс. десятин [17, с. 34]. Однако переоценивать значимость этих показателей не следует. Для вспашки земли и других трудных работ калмыки предпочитали нанимать крестьян из соседних деревень. Нежелание заниматься земледелием большинство калмыков объясняло примером отцов, которые «никогда не пахали», и ежегодными командировками на пограничную и иную казачью службу [17, с. 35].

Таким образом, изучение семейного быта и хозяйственной деятельности ставропольских крещеных калмыков позволяет говорить о переплетении двух тенденций: ориентация на обычаи и образ жизни предков — традиционализм и заимствование чужого опыта, нередко навязанного сверху государственными предписаниями, — аккультурация. Атрибутами первой из них являлись летние кочевья, скотоводческая специализация калмыцких хозяйств, скрываемое от посторонних исповедание буддизма. Вторая проявлялась в свойственном казачьему социуму социальном равенстве, получении начального школьного образования, навыках оседлой жизни в крестьянских избах, заготовке сена и, наконец, в осознании необходимости приобщения к земледельческому труду.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

Список использованных источников и литературы

1. Артамонова Л. М. Калмыцкая школа в Ставрополе // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1996. № 2. С. 19—25.
2. Атнагулов И. Р. Нагайбаки: от сословия к этносу (к вопросу о генезисе идентичности) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44, № 1. С. 137—146.

3. Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII — начало XIX в.). Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1965. 178 с.
4. Беликов Т. И. Участие калмыков в крестьянской войне 1773—1775 годов. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1971. 168 с.
5. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. : в 2 т. Т. 2. Казань : Типо-Литография В. М. Ключникова, 1897. 630 с.
6. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 10. Оп. 2. Д. 243.
7. ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3931.
8. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10601/14.
9. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 323.
10. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 564.
11. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 840.
12. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 508.
13. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 635.
14. Джунджузов С. В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII — первая четверть XX века). Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2014. 424 с.
15. Джунджузов С. В. Наделение земель и землепользование казаков Ставропольского калмыцкого войска (середина XVIII века) // Новый исторический вестник. 2010. № 4 (26). С. 29—45.
16. Джунджузов С. В. Организация медицинской службы в Ставропольском калмыцком войске (30-е годы XVIII века — начало 40-х годов XIX века) // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. 2012. № 16 (270). С. 12—17.
17. З-в Н. Исторический обзор ставропольских крещеных калмыков и несколько данных о современном их состоянии // Отечественные записки. 1844. Т. 35, № 7—8. С. 27—38.
18. Исхаков Р. Р. Семейные отношения и семейное право кряшен (крещеных татар) Волго-Уральского региона в XIX — начале XX в. // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, кн. 3. С. 230—239.
19. Лепехин И. И. Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб. : Имп. Акад. наук, 1821. Т. 3. С. 119—365.
20. Орлова К. В. История христианизации калмыков: середина XVII — начало XX в. М. : Восточная литература, 2006. 207 с.
21. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 445. Оп. 1. Д. 35.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XII. С. 308—328.
23. Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмык: 1812—1912: Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года. Ставрополь : Тип. Губернского Правления, 1912. [2], II, II, 144, [2], 28, 60, 44, 30, XXXXIII с. (Тр. Ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. 3).
24. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург : Оренб. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва, 1887. 405 с.
25. Чонов Е. Ч. Калмыки в русской армии XVII, XVIII вв. и 1812 год : очерк, статьи, биография. Элиста : Калм. кн. изд-во, 2006. 142 с.
26. Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovskiy S. V. Kalmyks of Southern Ural in the XVIII — early XX century: problems of assimilation, acculturation and preservation of ethnic identity // Bylye Gody. 2017. Vol. 46, N. 4. P. 1194—1206.
27. Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovskiy S. V. The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737—1842) // Bylye Gody. 2018. Vol. 49, N. 3. P. 970—979.

Поступила в редакцию 19.03.2019

Джунджузов Степан Викторович, доктор исторических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: djund@yandex.ru

UDC 94(47).07:392.3

S. V. Dzhundzhuzov

Family life and economic activities of the baptized Kalmyks of the Stavropol Kalmyk army in the first half of the XIX century: influence of acculturation and adherence to traditions

The article discusses the family life and economic activities of the Stavropol baptized Kalmyks in the context of the influence of the state authorized transformations (acculturation policy) and preservation of elements of the traditional way of life for the nomadic people. Based on the economic and social markers that are significant for the studied problem, the author comes to the conclusion about their mutual influence on the world outlook and everyday economic practice of the Kalmyk population. The main characteristics of the first of these were the summer nomad camps, cattle-breeding in Kalmyk farms and hidden observance of Buddhism. The second was manifested in the social equality characteristic of Cossack society, the acquisition of primary school education, the settled life in peasant huts, hay harvesting and, finally, in the awareness of the need for familiarizing with agricultural work.

Key words: acculturation, identity, family life, Stavropol baptized Kalmyks, traditions, economic activity.

Dzhundzhuzov Stepan Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: djund@yandex.ru

References

1. Artamonova L. M. Kalmytskaya shkola v Stavropole [Kalmyk school in Stavropol]. *Samarskaya oblast'. Etnos i kul'tura. Informatsionnyi vestnik*, 1996, no. 2, pp. 19—25. (In Russian)
2. Atnagulov I. R. Nagaibaki: ot sosloviya k etnosu (k voprosu o genezise identichnosti) [The nagaybaks: from social stratum to ethnic group (the origins of ethnic identity)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii — Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2016, vol. 44, no. 1, pp. 137—146. (In Russian)
3. Belikov T. I. *Kalmyki v bor'be za nezavisimost' nashei Rodiny (XVII — nachalo XIX v.)* [Kalmyks in the struggle for the independence of our Motherland (XVII — early XIX century)]. Elista, Kalmytskoe kn. izd-vo Publ., 1965. 178 p. (In Russian)
4. Belikov T. I. *Uchastie kalmykov v krest'yanskoj voine 1773—1775 godov* [The participation of the Kalmyks in the peasant war of 1773—1775]. Elista, Kalm. kn. izd-vo Publ., 1971. 168 p. (In Russian)
5. Vitevskii V. N. *I. I. Neplyuev i Orenburgskii kraj v prezhnem ego sostave do 1758 g.: v 2 t.* [I. I. Neplyuev and the Orenburg Territory in its former composition until 1758, in 2 volumes]. Vol. 2. Kazan, Tipo-Litografiya V. M. Klyuchnikova Publ., 1897. 630 p. (In Russian)
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archive of the Orenburg Region] (GAOO). F. 10. Op. 2. D. 243.
7. GAOO. F. 6. Op. 1. D. 3931.
8. GAOO. F. 6. Op. 5. D. 10601/14.
9. GAOO. F. 6. Op. 11. D. 323.
10. GAOO. F. 6. Op. 11. D. 564.
11. GAOO. F. 6. Op. 11. D. 840.
12. GAOO. F. 6. Op. 11. D. 508.
13. GAOO. F. 6. Op. 11. D. 635.
14. Dzhundzhuzov S. V. *Kalmyki v Srednem Povolzh'e i na Yuzhnom Urale: imperskie mekhanizmy akkul'turatsii i problema sokhraneniya etnicheskoi identichnosti (seredina 30-kh godov XVIII — pervaya chetvert' XX veka)* [Kalmyks in the Middle Volga Region and in the Southern Urals: Imperial Acculturation Mechanisms and the Problem of Preserving Ethnic Identity (mid 30s of the XVIII — first quarter of the XX century)]. Orenburg, Izdat. tsentr OGAU Publ., 2014. 424 p. (In Russian)
15. Dzhundzhuzov S. V. *Nadelenie zemlei i zemlepol'zovanie kazakov Stavropol'skogo kalmytskogo voiska (seredina XVIII veka)* [The land allotment and land use of the Cossacks of the Stavropol Kalmyk army]. *Novyi istoricheskii vestnik — The New Historical Bulletin*, 2010, no. 4 (26), pp. 29—45. (In Russian)

16. Dzhundzhuzov S. V. Organizatsiya meditsinskoi sluzhby v Stavropol'skom kalmytskom voiske (30-e gody XVIII veka — nachalo 40-kh godov XIX veka) [Arranging medical service in the Stavropol Kalmyk army (30s of the XVIII — the beginning of the 40s of the XIX century)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*, 2012, no. 16 (270), pp. 12—17. (In Russian)
17. Z-v N. Istoricheskii obzor stavropol'skikh kreshchenykh kalmykov i neskol'ko dannykh o sovremennom ikh sostoyanii [Historical review of the Stavropol baptized Kalmyks and some data on their current state]. *Otechestvennye zapiski*, 1844, vol. 35, no. 7—8, pp. 27—38. (In Russian)
18. Iskhakov R. R. Semeinye otnosheniya i semeinoe pravo kryashen (kreshchenykh tatar) Volgo-Ural'skogo regiona v XIX — nachale XX v. [Family relations and family law of the kryashens (christian tatars) in the Volga-Ural region during the 19th and early 20th century]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki — Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 2015, vol. 157, book 3, pp. 230—239. (In Russian)
19. Lepekhin I. I. Zapiski puteshestviya akademika Lepekhnina [Travel notes of academician Lepekhin]. *Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii* [Full collection of scientific journey in Russia]. St. Petersburg, Imp. Akad. nauk Publ., 1821, vol. 3, pp. 119—365. (In Russian)
20. Orlova K. V. *Istoriya khristianizatsii kalmykov: seredina XVII — nachalo XX v.* [The history of the Christianization of the Kalmyks: the middle of the XVII — the beginning of the XX century]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2006. 207 p. (In Russian)
21. *Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Department of written sources of the State Historical Museum]. F. 445. Op. 1. D. 35.
22. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [The complete collection of the laws of the Russian Empire]. Coll. 1. St. Petersburg, 1830, vol. XII, pp. 308—328. (In Russian)
23. Prozritelev G. N. *Voennoe proshloe nashikh kalmyk: 1812—1912: Stavropol'skii kalmytskii polk i Astrakhanskii polki v Otechestvennuyu voynu 1812 goda* [The military past of our Kalmyk: 1812—1912: Stavropol Kalmyk regiment and Astrakhan regiments during the Patriotic War of 1812]. Stavropol', Tip. Gubernskogo Pravleniya Publ., 1912. [2], II, II, 144, [2], 28, 60, 44, 30, XXXXIII p. (Trudy Stavropol'skoi uchenoi arkhivnoi komissii. Is. 3). (In Russian)
24. Rychkov P. I. *Topografiya Orenburgskoi gubernii* [Topography of the Orenburg province]. Orenburg, Orenb. otd. Imp. Rus. geogr. o-va Publ., 1887. 405 p. (In Russian)
25. Chonov E. Ch. *Kalmyki v russkoi armii XVII, XVIII vv. i 1812 god: ocherk, stat'i, biografiya* [Kalmyks in the Russian army of the XVII, XVIII centuries and 1812: essay, articles, biography]. Elista, Kalm. kn. izd-vo Publ., 2006. 142 p. (In Russian)
26. Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovskiy S. V. Kalmyks of Southern Ural in the XVIII — early XX century: problems of assimilation, acculturation and preservation of ethnic identity. *Bylye Gody*, 2017, vol. 46, no. 4, pp. 1194—1206.
27. Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovskiy S. V. The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737—1842). *Bylye Gody*, 2018, vol. 49, no. 3, pp. 970—979.